

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXXXIII.

1892.

СЕНТЯВРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
А. М. Иванцовъ-Платоновъ. Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ, патриархѣ Константинопольскомъ (<i>продолженіе</i>).	1
О. И. Фортинскій. Борьба Парижскаго университета съ нищен- ствующими монахами въ половинѣ XIII вѣка	61
Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ (<i>продолженіе</i>).	90
И. А. Тихомировъ. Нѣсколько замѣтокъ о новгородскихъ лѣто- писяхъ	144
А. С. Хахановъ. Составъ и источники начальной грузинской лѣ- тописи	163

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

И. В. Помяловскій. L'armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs par <i>M. René Cagnat</i>	161
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Опытъ русской исторіографіи. В. С. <i>Иконникова</i> . Томъ первый. Кіевъ. 1891	179
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. <i>И. Барсукова</i> . Книга 6. С.-Пб. 1892	201
— Книжныя новости	203
Е. П. Ковалевскій. Сельско-хозяйственныя занятія въ учитель- скихъ семинаріяхъ и начальныхъ школахъ	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Кавказскій учебный округъ въ 1890 году.	1
И. В. Помяловскій. Николай Михайловичъ Благовѣщенскій (<i>не- кроль</i>)	28

ОТДѢЛЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

В. В. Майковъ. Четыре эпикія Пиндара въ честь Герона Опра- кусоваго и Этнейскаго (<i>продолженіе</i>).	113
И. Мейеръ. Caesariana	115
О. Г. Мищенко. Судъ присяжныхъ въ Аѣннахъ и сочиненіе Ари- стотеля объ Аѣнскомъ государствѣ	119
С. Н. Здановъ. Къ Гомеру и Гесиоду.	142
В. К. Еришtedтъ. Къ надгробію Иванны, дочери Главкія	147

Редакторъ **В. Васильевскій**.

(Вышла 1-го сентября).

БОРЬБА ПАРИЖСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СЪ НИЩЕНСТВУЮЩИМИ МОНАХАМИ ВЪ ПОЛОВИНѢ XIII ВѢКА ¹⁾.

Предметомъ моей лекціи я избралъ вопросъ о столкновеніи Парижскаго университета съ нищенствующими монахами въ половинѣ XIII столѣтія. Ближайшимъ поводомъ къ выбору этой темы послужило слѣдующее. Два года назадъ положено было начало изданію великолѣпнаго собранія актовъ, относящихся къ исторіи Парижскаго университета ²⁾. Въ составъ его входятъ документы самаго разнообразнаго происхожденія и содержанія: тутъ есть привилегіи на всевозможныя льготы, полученныя университетомъ отъ папъ и французскихъ королей; рѣшенія папъ, легатовъ и королей по различнымъ процессамъ, возникавшимъ какъ при столкновеніяхъ внутри самого университета, напримѣръ, между его факультетами или націями, такъ и при внѣшнихъ столкновеніяхъ университета съ парижскимъ епископомъ и его канцлеромъ, съ горожанами и ихъ прево; здѣсь помѣщены статуты, опредѣляющіе организацію или университета вообще, или же составныхъ его частей: факультетовъ, націй, коллегій; наконецъ, здѣсь же дано мѣсто многочисленнымъ письмамъ, такъ или иначе касающимся университета, его профессоровъ и студентовъ. Многіе изъ этихъ документовъ являются въ печати впервые; другіе хотя и были извѣстны, но по копіямъ; здѣсь же они изданы по оригиналамъ или по лучшимъ спискамъ, а, главное, всѣ они сопровождаются болѣе или менѣе обширными примѣчаніями.

Появленіе столь обильнаго и разнообразнаго матеріала само собою наводитъ на мысль о необходимости пересмотра исторіи Парижскаго университета; но браться за такую задачу теперь же было бы еще

---

¹⁾ Публичная лекція въ пользу голодающихъ, произнесенная 8-го марта 1892 г. въ Университетѣ св. Владиміра.

²⁾ *Chartularium Universitatis Parisiensis* ed. H. Denifle et Aem. Chatelain, 1889.

преждевременно, и нужно подождать, когда изданіе актовъ будетъ подходить къ концу; за то вполне возможно и умѣстно заняться болѣе внимательнымъ изученіемъ отдѣльныхъ эпизодовъ изъ начальной исторіи Парижскаго университета. Вотъ на одномъ изъ подобныхъ эпизодовъ, на борьбѣ Парижскаго университета съ нищенствующими, въ которой ярко выразилось и значеніе университета, и его своеобразное устройство, и нравы его профессоровъ и студентовъ, интересъ къ нему со стороны властей и общества, я и намѣренъ остановить ваше вниманіе.

Но чтобы понять происхожденіе борьбы между Парижскимъ университетомъ и нищенствующими, ходъ ея развитія и результаты, къ какимъ она привела, необходимо сперва познакомиться, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, съ обѣими враждовавшими сторонами предъ началомъ столкновенія между ними.

Подъ именемъ университета мы привыкли разумѣть высшее учебное заведеніе, гдѣ преподаются различныя науки, сгруппированныя въ большее или меньшее количество факультетовъ; для насъ университетъ—это *universitas litterarum*. Совсѣмъ иной смыслъ соединился со словомъ университетъ — *universitas* въ XIII вѣкѣ; оно обозначало тогда не высшее учебное заведеніе, а корпорацію вообще, въ частности же—то корпорацію профессоровъ и студентовъ, какъ было въ Парижѣ, то—однихъ студентовъ, какъ было въ Болоньѣ ¹⁾. Что слово *universitas* имѣло указанный смыслъ, это видно какъ изъ того, что въ XIII вѣкѣ для обозначенія высшей школы употреблялся другой терминъ—*studium generale*, такъ и изъ того, что терминъ *universitas* прилагался и къ другимъ корпораціямъ, въ особенности — къ городскимъ. Нужно при этомъ замѣтить, что въ примѣненіи къ городскимъ корпораціямъ терминъ *universitas* сталъ употребляться гораздо раньше, чѣмъ по отношенію къ университетамъ, а потому скорѣе можно говорить о заимствованіи его учащими и учащимися отъ горожанъ, а никакъ не наоборотъ. Въ настоящее время въ самомъ сплоченіи учащихся и учащихся въ корпораціи видятъ одно изъ проявленій общаго коммунальнаго движенія, быстро охватившаго Западную Европу съ конца XI вѣка. Но коммунальное движеніе, какъ извѣстно, было результатомъ стремленія горожанъ ограничить злоупотребленія по отношенію къ нимъ со стороны феодаловъ и приобрѣсть самоуправленіе ²⁾;

¹⁾ *G. Kaufmann*, Die Geschichte der deutschen Universitäten, 1888, S. 98.

²⁾ *Ach. Luchaire*, Les communes françaises à l'époque de Capétiens directs, 1890.

если же соединеніе учащихся и учащихся въ корпораціи, въ университеты, было однимъ изъ проявленій общаго коммунальнаго движенія, въ такомъ случаѣ само собою возникаетъ предположеніе, что и въ положеніи учащихся и учащихся предъ возникновеніемъ университетовъ было много ненормальнаго, отъ чего они и попытались избавиться — сплоченіемъ въ корпораціи, въ университеты.

Университетамъ предшествовали и подготовляли для нихъ почву епископальныя и монастырскія школы ¹⁾. Ближайшая задача этихъ школъ состояла въ подготовкѣ образованныхъ клириковъ и въ воспитаніи для этой цѣли тѣхъ дѣтей, которыя съ малыхъ лѣтъ были посвящаемы родителями на служеніе Богу. Для такихъ обреченныхъ дѣтей (*oblati*) при кафедральныхъ соборахъ и въ монастыряхъ, внутри ограды, устраивались училища. Учили будущихъ клириковъ не особенно много: для этого въ тѣ времена не хватало ни хорошихъ учителей, ни книгъ, ни даже — писчаго матеріала; но за то дѣтей приучали къ самой суровой дисциплинѣ. Днем и ночью ученики были подъ неусыпнымъ надзоромъ приставленныхъ къ нимъ *circatores*, которые замѣчали каждую ошибку въ чтеніи, въ пѣніи, въ поклонахъ въ церкви, въ знаніи уроковъ, въ каллиграфіи и орфографіи въ школѣ, въ поведеніи за столомъ, на прогулкѣ, въ спальнѣ, и обо всемъ замѣченномъ докладывали учителю, и тогда за всякій промахъ ученику грозилъ выговоръ, лишеніе обѣда карцеръ и особенно — розги ²⁾. Изъ руконисяхъ на миниатюрахъ учитель (*scholasticus*) иначе и не изображается, какъ съ розгою въ рукахъ, и это не было каррикатурой: розга была символомъ права учителя судить и наказывать учениковъ; если король, посѣтивъ школу, хотѣлъ выразить свое уваженіе учителю, то жаловалъ ему серебряную розгу.

Въ епископальныя и монастырскія школы, приобретающія почему либо извѣстность, зажиточные родители нерѣдко отдавали своихъ дѣтей, хотя бы и не предназначали ихъ къ поступленію въ клиръ; за содержаніе и обученіе подобныхъ дѣтей, конечно, взымалась извѣстная плата. Если число такихъ учениковъ возрастало, для нихъ строилась особая школа внѣ ограды. Подобная внѣшняя школа, при большомъ наплывѣ въ нее учениковъ, могла обогатить церковь или монастырь, какъ, напримѣръ, это случилось въ XI вѣкѣ съ бѣднымъ монасты-

¹⁾ *L. Maitre*, *Les écoles épiscopales et monastiques de l'Occident*, 1866; *Fr. A. Specht*, *Geschichte des Unterrichtswesens in Deutschland*, 1885.

²⁾ *Leon Maitre*, pp. 192—209; *Specht*, pp. 202—215.

ремь въ Нормандіи Бекъ, когда его школою сталъ завѣдывать знаменитый Лафранкъ ¹⁾).

Подобное процвѣтаніе епископальныхъ и монастырскихъ школъ однако же рѣдко было продолжительно. Если монастырь подвергнулся опустошенію отъ нападенія внѣшнихъ враговъ, или же дѣлался предметомъ борьбы между различными претендентами на санъ въ немъ аббата, на право патроната надъ нимъ, или если въ монастырѣ приходила въ упадокъ дисциплина, немедленно это отражалось и на благосостояніи его школы: монахи-учителя и ученики разбѣгались, собранныя ими книги расхищались, начинавшаяся въ немъ литературная дѣятельность замирала, пока не являлся реформаторъ, умѣвшій возстановить въ монастырѣ порядокъ и дисциплину, доставить ему почетъ въ глазахъ окрестнаго населенія, привлечь въ составъ братія образованныхъ людей и съ помощью ихъ снова открыть школу. Что касается до епископальныхъ школъ, то полное закрытіе ихъ, какъ и уничтоженіе самыхъ епархій, случалось рѣдко, но здѣсь были свои условія, могшія повести къ упадку школъ. Епископальная школа находилась въ вѣдѣніи не столько епископа, сколько соборнаго капитула, устройство котораго близко напоминало монастырь съ однимъ отличіемъ: монахи отрекались отъ права личной собственности, сохраняя его за монастыремъ, члены же соборныхъ конгрегацій одновременно располагали правомъ собственности и личной и конгрегаціонной. Съ XI вѣка у членовъ соборныхъ капитуловъ замѣчается стремленіе къ выдѣлу изъ конгрегаціонныхъ имѣній особыхъ бенефицій, приурочиваемыхъ къ той или иной должности, какую кто исполнялъ въ конгрегаціи ²⁾. Чѣмъ важнѣе была должность, тѣмъ болѣе доходная доставалась ей бенефиція; а такъ какъ схоластикъ или канцлеръ, завѣдывавшій епископальною школою, считался вторымъ лицомъ послѣ декана, то и предоставляемая ему бенефиція была одною изъ самыхъ богатыхъ. Съ выдѣленіемъ бенефицій въ личное распоряженіе у канониковъ естественно возникло желаніе жить не въ конгрегаціи, внутри ограды соборной, а въ предѣлахъ своей бенефиціи. Отъ этого общаго теченія не избѣжалъ и схоластикъ: и онъ, вмѣсто того, чтобы самому лично учить и управлять школою, охотно сталъ возлагать эту обязанность на своихъ помощниковъ, предоставляя имъ *licentiam docendi*, право на преподаваніе. Но этого мало:

¹⁾ *L. Maitre*, pp. 122—124.

²⁾ *Specht*, pp. 172—191.

конгрегация, выдѣляя схоластику богатую бенефицію, на него же возлагала и содержаніе школы. Понятно, что схоластики были не прочь восполнить свои доходы путемъ ограниченія содержанія школы. Отсюда жалобы на плохое преподаваніе въ школахъ, на упадокъ въ ней дисциплины, на скудное содержаніе учениковъ, на отсутствіе учебныхъ пособій и пр. Раньше всего эти жалобы слышатся со стороны самихъ же канониковъ, у которыхъ въ школахъ бывали родственники. Но вмѣсто того, чтобы настаивать на восстановленіи стараго порядка, они, виновные въ томъ же самомъ, стремятся доставить лишнія льготы своимъ родичамъ, требуя, чтобы послѣднимъ, по достиженіи ими извѣстнаго возраста, дозволено было жить не въ школахъ, а у родныхъ, а на содержаніе—получать извѣстныя стипендіи изъ средствъ конгрегации. При такомъ порядкѣ съ одной стороны должна была ослабѣть школьная дисциплина, а съ другой—старшіе ученики, заручившіеся стипендіями, могли отправиться заканчивать свое образованіе туда, гдѣ по слухамъ преподаваніе шло особенно успѣшно.

Такое отправленіе въ иногородныя и иноземныя школы ¹⁾ лучшихъ и способнѣйшихъ учениковъ въ сущности практиковалось давно; но прежде оно дѣлалось по инициативѣ аббатовъ и епископовъ, которые изрѣдка отправляли даже своихъ схоластиковъ въ чужія страны, чтобы они могли тамъ усовершенствоваться въ наукахъ и въ методѣ преподаванія, при чемъ сохраняли за ними въ продолженіе 2—3 лѣтъ право получать доходы съ ихъ бенефицій; но съ половины XI вѣка сами ученики внѣшнихъ школъ, не зависѣвшіе отъ прелатовъ, а равно и родственники канониковъ изъ *oblati*, заручившись стипендіями, спѣшатъ отправиться въ школы знаменитыхъ учителей. Жизнь на свободѣ, послѣ суровой дисциплины въ монастырскихъ и епископальныхъ школахъ, сама по себѣ представляла значительную приманку для молодежи; присоедините къ этому прелесть путешествія, возможность перехода отъ одного славнаго магистра къ другому, и вы поймете, почему съ половины XI вѣка такъ усилилось стремленіе у молодежи заканчивать свое образованіе посредствомъ посѣщенія наиболѣе славныхъ школъ.

Большинство естественно отправлялось туда, гдѣ можно было не только восполнить свои свѣдѣнія, но и весело и пріятно пожить. А такимъ излюбленнымъ мѣстомъ съ конца XI вѣка дѣлается Парижъ ²⁾.

¹⁾ *Specht*, pp. 192—201.

²⁾ Ср. док. №№ 19, 20, 22, 24, 51—53 *partis intr.*

Въ Парижѣ съ давнихъ поръ существовала не только епископальная школа, но и нѣсколько монастырскихъ ¹⁾. Еще съ конца IX вѣка въ этихъ школахъ учатся, помимо мѣстныхъ клириковъ, и прїѣзжіе изъ сосѣднихъ областей и странъ; но особенно усилился прїливъ въ Парижъ наѣзжихъ учениковъ съ конца XI вѣка, когда тамъ прославился своимъ преподаваніемъ Вильгельмъ Шампо, про котораго одинъ изъ его учениковъ выражался такъ: „слушая Вильгельма, подумаешь, не говоритъ ли это ангелъ съ неба,—такую глубиною мыслей и прїятностью рѣчи отличаются его уроки“. Когда Вильгельмъ Шампо изъ соборной школы перешелъ въ монастырь св. Виктора, то слушать его преподаваніе тамъ съѣзжались отовсюду не только молодые клирики, но и зрѣлые прелаты, такъ что школу св. Виктора стали при немъ называть школою епископовъ; но и въ соборной школѣ Вильгельма замѣнили цѣлый рядъ талантливыхъ преподавателей, имена которыхъ уцѣлѣли. Всѣ они въ первой половинѣ XII вѣка отступили на задній планъ, когда на горѣ св. Женевьевы выступилъ въ качествѣ преподавателя знаменитый Абельяръ, основатель того метода изложенія философіи и богословія, которымъ такъ славился потомъ Парижскій университетъ ²⁾. Между тѣмъ какъ другіе преподаватели богословія не шли дальше толкованія догматовъ на основаніи сочиненій отцовъ церкви, Абельяръ, основываясь на Аристотелѣ, проводилъ ту мысль, что христіанскіе догматы не только могутъ быть восприняты вѣрою, но и поняты силою человѣческаго разума ³⁾. Такая постановка дѣла преподаванія давала полный просторъ для разсужденій по каждому вопросу pro и contra; у Абельяра есть одно сочиненіе, названное имъ Sic et Non, состоящее въ параллельномъ изложеніи положительныхъ и отрицательныхъ доказательствъ по отдѣльнымъ вопросамъ богословія. Слава Абельяра, какъ искуснаго діалектика, смѣлость высказываемыхъ имъ сужденій привлекли къ нему такую массу учениковъ, что въ Парижѣ не находилось аудиторіи, которая могла бы вмѣстить его слушателей, и онъ долженъ былъ читать на площади. Хотя Абельяръ вслѣдствіе настояній Бернара Клерво былъ осужденъ на синодахъ, тѣмъ не менѣе введенный имъ методъ преподаванія упрочился въ парижскихъ шко-

¹⁾ *L. Maître*, pp. 59, 76, 99, 143.

²⁾ *H. Denifle*, *Die Universitäten des Mittelalters bis 1400*; 1885, p. 46.

³⁾ *H. Reuter*, *Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter*, 1875, Bd. I, Sa. 183 — 259; *B. Hauréau*, *Histoire de la philosophie scolastique*, 1872, I, pp. 362—390.

лахъ ¹⁾, и приливъ въ нихъ учениковъ со всѣхъ концовъ Европы не только не ослабѣлъ, а все болѣе и болѣе увеличивался ²⁾: въ концѣ XII вѣка число учащихся въ Парижѣ опредѣляли свыше 10.000 человекъ ³⁾.

Большой наплывъ учащихся въ свою очередь вызывалъ въ Парижѣ преподаваніе одного и того же предмета многими учителями. Разрѣшеніе на преподаваніе въ Парижѣ, какъ и въ другихъ епископскихъ городахъ, получалось отъ схоластика или канцлера соборной школы ⁴⁾; но такъ какъ островъ Сены (cité), гдѣ находился соборъ, былъ не великъ, а монастыри, при которыхъ существовали другія парижскія школы, были расположены по обимъ берегамъ Сены, почти внѣ вліянія канцлера, то въ Парижѣ открытіе новыхъ школъ и преподаваніе въ нихъ совершалось свободнѣе, чѣмъ гдѣ либо.

Теперь представьте себѣ, что въ Парижѣ, тогда очень небольшомъ городѣ, скопилась огромная толпа учащихся со всѣхъ концовъ Европы. Тутъ были люди самаго разнообразнаго происхожденія, положенія, возраста, состоятельности, со всевозможными наклонностями, привычками, возрѣніями. Вся эта толпа была почти чужда всякой дисциплины: каждый селился гдѣ хотѣлъ и какъ могъ, учился у кого и когда ему было угодно, временемъ своимъ распоряжался какъ заблагоразсудится ⁵⁾. Толпа эта составляла и славу города, источникъ доходовъ для его населенія; и виѣсть служила предметомъ заботъ и безпокойства по причинѣ частыхъ столкновеній учащихся съ горожанами изъ-за квартиръ, неуплаты долговъ, изъ-за буйства на улицахъ, площадяхъ и въ особенности въ различныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ. Столкновенія учащихся съ горожанами нерѣдко принимали ожесточенный характеръ и сопровождались драками, разгромомъ домовъ, убійствами ⁶⁾. Дисциплинировать учащихся было крайне трудно: по старому обычаю юрисдикція надъ учащимися принадлежала ихъ учителямъ, магистрамъ; но послѣдніе, живя на плату съ учениковъ, сами въ извѣстной степени отъ нихъ зависѣли и потому скорѣе были расположены всячески потворствовать учащимся и прикрывать ихъ выходки, простительныя и непростительныя, чѣмъ сдержи-

¹⁾ Ср. док. № 34.

²⁾ Ср. док. №№ 2, 10, 13, 23, 31, 35, 38, 39 и др. part. intr.

³⁾ R. Rosière, Histoire de la société française au moyen âge, 1880, II, p. 260.

⁴⁾ Denifle, p. 685; *ею же* Introductio ad chartularium, p. XI. Ср. док. № 8.

⁵⁾ № 145.

⁶⁾ См. док. № 47.

вать ихъ и наказывать. Популярный магистръ хорошо зналъ, что еслибы ему почему либо пришлось покинуть Парижъ и перенести свою школу въ иное мѣсто, то его ученики всюду за нимъ послѣдуютъ. Ссориться при такомъ положеніи дѣла магистру съ учениками изъ-за дисциплины очевидно не приходилось; скорѣе бывало наоборотъ: магистры сами нерѣдко участвовали въ попойкахъ и буйствѣ учащихся. Не могли взяться за дисциплинированіе учащихся и горожане: Парижъ никогда не пользовался при Капетингахъ правами коммуны; парижскій прево скорѣе былъ представителемъ короля, чѣмъ города ¹⁾; да и самая королевская юрисдикція въ Парижѣ встрѣчала въ тѣ времена ограниченіе со стороны церквей и монастырей, и кто долженъ былъ разбирать дѣла о студентахъ, среди которыхъ одновременно были клирики, готовившіеся къ поступленію въ клиръ, и міряне, никогда о томъ не думавшіе,—это всегда было предметомъ спора между магистрами и представителями городской, королевской и церковной юрисдикціи ²⁾). Все это увеличивало путаницу въ опредѣленіи правъ и обязанностей учащейся молодежи и благопріятствовало проявленію ея буйныхъ наклонностей.

Но въ концѣ концовъ отъ этого недостатка въ организаціи и дисциплинѣ страдали сами же учащіе и учащіеся. Слишкомъ свободное открытіе новыхъ школъ увеличивало до такой степени число магистровъ, что многіе изъ нихъ оказывались при очень ограниченномъ количествѣ учениковъ, и съ трудомъ могли пробавляться на получаемый ими скудный гонораръ. Причину своей неудачи они приписывали, конечно, не себѣ, а тому, что магистрами дѣлаются многіе недостойные ³⁾, такъ какъ канцлеръ слишкомъ легко раздаетъ *licentiam docendi*, можетъ быть—за деньги ⁴⁾). И вотъ въ средѣ магистровъ возникаетъ стремленіе сплотиться въ общество (*societas*), приемъ въ которое зависѣлъ бы отъ согласія его членовъ и которое выработало бы и провело въ жизнь правила относительно полученія доступа къ преподаванію. Такъ возникаютъ *societates magistrorum*, намеки на которыя встрѣчаются еще въ XII вѣкѣ ⁵⁾). Преподаваніе однородныхъ предметовъ благопріятствовало возникновенію такихъ обществъ и, по всей вѣроятности, раньше всего они явились у магистровъ, читавшихъ

¹⁾ *P. Robiquet, Histoire municipale de Paris, 1880, pp. 18—19.*

²⁾ Док. №15 p. intr.

³⁾ Ср. док. № 48 p. intr.

⁴⁾ Ср. док. №№ 4, 8, 12 p. intr.

⁵⁾ *Denifle, pp. 64—84.*

artes или богословіе, а потомъ у преподававшихъ право и медицину. Изъ этихъ первоначальныхъ корпорацій выработались потомъ факультеты съ выборными деканами во главѣ.

Параллельно этому соединенію магистровъ въ корпораціи съ цѣлью упорядочить преподаваніе совершалось соединеніе въ кружки и учащихся. Въ основѣ этого послѣдняго лежало стремленіе учащихся устроиться въ Парижѣ возможно лучше и дешевле ¹⁾. Каждый новоприбывшій провинціалъ или чужеземецъ спѣшилъ поскорѣе розыскать въ Парижѣ своихъ земляковъ и при ихъ содѣйствіи нанималъ себѣ квартиру, записывался къ тому или другому магистру и вообще знакомился съ условіями студентской жизни. Чѣмъ тѣснѣе сплавивался такой кружокъ земляковъ и чѣмъ онъ былъ многочислѣнѣе, тѣмъ смѣлѣе онъ могъ вести переговоры съ домовладѣльцами о наймѣ квартиры и добиваться болѣе выгодныхъ условій, а въ случаѣ споровъ могъ легче отстоять свои притязанія, хотя бы пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Выгоды сплоченія были столь очевидны, что землячества начали потомъ сливаться въ болѣе крупныя единицы — въ провинціи, а эти послѣднія — въ націи. Въ составъ землячествъ, провинцій и націй входили не одни учащіеся, но и магистры, не желавшіе разрывать связи съ ними послѣ полученія *licentiae docendi*. Раньше всего подобныя корпораціи среди учащихся, вѣроятно, возникли на факультетѣ *artium*, черезъ который, какъ приготовительный, должны были пройти всѣ желавшіе потомъ посвятить себя изученію богословія, права или медицины; но, поступая на высшій факультетъ, магистры *artium* снова обращались какъ бы въ студентовъ, при чемъ и не думали, конечно, о разрывѣ ни съ факультетомъ *artium*, на которомъ могли преподавать, ни съ его подраздѣленіемъ на націи. Это обстоятельство благопріятствовало упроченію связи между магистрами и учащимися всѣхъ факультетовъ и повело къ сліянію ихъ въ общую корпорацію, въ университетъ.

Пока учащіе и учащіеся, магистры и студенты, не составляли единой плотной корпораціи, каждый изъ нихъ былъ безсиленъ въ борьбѣ со всевозможными своими врагами: съ домовладѣльцами, стремившимися поднять цѣны на квартиры; съ горожанами, не желавшими, чтобы учащіеся ходили въ тѣ увеселительныя заведенія, гдѣ они прежде чувствовали себя полными хозяевами; съ чинами городской полиціи, не стѣснявшимися при расправѣ съ дѣйствительными или мнимыми

---

¹⁾ *Denifle*, pp. 84—106.

буянами; съ канцлеромъ, готовымъ предъявлять разныя требованія къ просившимъ у него *licentiam docendi*; съ епископомъ, склоннымъ по тогдашнему обычаю наложить при малѣйшемъ поводѣ отлученіе на магистра или студента за ослушаніе. Теперь же каждый магистръ или студентъ чувствовалъ за собою корпорацію, которая всегда приметъ его подъ свою защиту и, въ случаѣ отказа ей въ удовлетвореніи, можетъ прибѣгнуть къ закрытію курсовъ и къ перенесенію ихъ изъ Парижа въ иное мѣсто. Не забудьте, что правительство и городъ ничего не давали на содержаніе учащихся и учащихся и даже не дѣлали никакихъ приснособленій для ихъ занятій; университетъ, жившій своими средствами, въ складчину, такъ сказать, ничѣмъ не связанный съ городомъ, гдѣ у него не было первое время никакой недвижности, очевидно могъ перебраться изъ Парижа въ другой городъ. Но такое удаленіе университета изъ Парижа было бы крайне убыточно для горожанъ и позорно для церкви и французской короны. Разумѣется, къ подобной крайней мѣрѣ магистры и студенты, привыкшіе къ удобствамъ парижской жизни, рѣшались прибѣгнуть только послѣ долгихъ переговоровъ и при отказѣ имъ въ удовлетвореніи лишь по очень важнымъ дѣламъ, но за то, употребивъ ее въ дѣло, они всегда достигали своей цѣли. Успѣхъ этой мѣры зависѣлъ отъ единодушія въ ея исполненіи; поэтому университетъ требовалъ отъ своихъ членовъ безусловнаго повиновенія общимъ распоряженіямъ и ослушникамъ грозилъ исключеніемъ изъ своего состава.

Когда собственно возникли *societates magistrorum*, землячества, провинціи и націи и какъ постепенно совершилось ихъ сліянiе въ университетъ, на это нѣтъ ясныхъ современныхъ указаній; но можно думать, что весь этотъ процессъ совершился во второй половинѣ XII вѣка, которую издатели актовъ склонны разсматривать, какъ донисторическій періодъ въ жизни Парижскаго университета ¹⁾, а въ самомъ началѣ XIII вѣка онъ уже является въ видѣ единой корпораціи, которая начинаетъ быстро крѣпнуть и развиваться во время борьбы съ различными ея врагами.

Прежде всего послѣдовало столкновеніе съ горожанами въ 1200 г.; поводомъ къ нему послужило слѣдующее: студентъ-нѣмецъ отправилъ своего слугу въ погребокъ за виномъ; слугу поколотили пировавшіе тамъ горожане; по жалобѣ слуги студенты-нѣмцы ворвались въ погре-

¹⁾ Даже документы, относящіеся ко второй половинѣ XII вѣка, издатели выдѣлили въ особую группу, *pars introductoria*, съ особою нумераціею.

бокъ и въ свою очередь избѣли горожанъ; послѣдніе обратились за помощью къ прево, и тотъ вломился силою въ помѣщеніе студентовъ-нѣмцевъ съ цѣлю арестовать виновныхъ; тѣ защищались, и въ происшедшей схваткѣ было убито 5 студентовъ. Магистры потребовали удовлетворенія, и въ результатѣ послѣдовало пожалованіе Парижскому университету первой королевской привилегіи, по которой всѣ учащіе и учащіяся признаны были подлежащими церковной юрисдикціи, а прево предоставлено было арестовать ихъ лишь при захватѣ на мѣстѣ преступленія, да и то съ цѣлю передать немедленно виновнаго въ руки представителей церковной юстиціи ¹⁾). Такимъ образомъ въ привилегіи Филиппа Августа окончательно было опредѣлено юридическое положеніе въ Парижѣ членовъ университетской корпораціи.

Опредѣливши свое положеніе по отношенію къ горожанамъ и ихъ прево, университетъ вслѣдъ затѣмъ стремится къ болѣе точному выясненію своихъ отношеній къ представителямъ парижской церкви, юрисдикціи которыхъ онъ былъ подчиненъ по привилегіи 1200 года. Особенно важно было установить отношенія къ канцлеру, который по старому обычаю имѣлъ право раздавать *licentiam docendi* кому угодно. Благоразумный канцлеръ, во избѣжаніе ошибокъ и укоровъ, могъ, конечно, обращаться за справками о кандидатѣ къ магистрамъ, у которыхъ тотъ учился, но это не было для канцлера обязательно, и онъ могъ раздавать *licentiam* и по собственному усмотрѣнію. Магистрамъ же хотѣлось, чтобы канцлеръ давалъ *licentiam docendi* лишь тѣмъ, кого они сами ему представляютъ и отрекомендуютъ, а эта рекомендація въ свою очередь должна быть основана на экзаменѣ, производство котораго опять должно принадлежать не канцлеру, а магистрамъ, а значить въ сущности и самая раздача *licentiae docendi* тогда бы зависѣла главнымъ образомъ отъ нихъ самихъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, магистрамъ необходимо было доказать несостоятельность существующаго порядка раздачи *licentiae docendi*. И вотъ начинается со стороны университета цѣлый рядъ жалобъ папѣ, какъ главѣ церкви, на канцлера, въ которыхъ онъ обвиняется то въ небрежномъ отношеніи къ исполненію своихъ обязанностей вслѣдствіе частыхъ отлучекъ изъ города ²⁾, то въ предоставленіи *licentiae* недостойнымъ за подарки ³⁾, то въ требованіи отъ просящихъ *licentiae* присяги на

---

¹⁾ Док. №№ 13.

²⁾ №№ 6, 23.

³⁾ № 14.

безусловное ему повиновение ¹⁾ и т. п. Плодомъ этихъ жалобъ явился цѣлый рядъ папскихъ распоряженій, ограничивающихъ власть канцлера и расширяющихъ вольности университета. Канцлеру было предложено жить безвыѣздно въ Парижѣ, раздавать *licentiam docendi* лишь тѣмъ, за кого выскажется большинство магистровъ ²⁾, а главное—за университетомъ было признано право сходовъ для обсужденія вопросовъ ³⁾, касающихся преподаванія и дисциплины, при чемъ постановленія этихъ сходовъ должны обязательно исполняться всѣми учащими и учащимися. На основаніи этой льготы университетъ началъ составлять статуты ⁴⁾, опредѣлявшіе время чтенія лекцій, производство экзаменовъ, диспуты, условія пріобрѣтенія *licentiae docendi* на отдѣльных факультетахъ, поведение магистровъ и студентовъ во время церемоніи раздачи канцлеромъ *licentiae*, при погребеніи умершихъ членовъ университета, и даже—на пирушкахъ ⁵⁾. Всѣ эти сходы и составляемые на нихъ статуты еще болѣе вели къ ограниченію правъ канцлера, а борьба противъ нихъ для послѣдняго была почти невозможна. Пробовалъ канцлеръ и сочувствовавшій ему епископъ разсматривать эти сходы, какъ заговоры, и налагать на участниковъ въ нихъ огульное отлученіе ⁶⁾; но, по жалобѣ университета въ Римъ, получился запретъ папы безъ его вѣдома налагать на университетъ и отдѣльных его членовъ отлученіе ⁷⁾, такъ какъ подобныя отлученія могутъ вызвать закрытіе университета, а между тѣмъ послѣдній объявляется главнымъ защитникомъ церкви отъ ересей ⁸⁾.

Справившись съ горожанами и престо—съ помощью короля, съ канцлеромъ и епископомъ—съ помощью папы, университетъ на столько окрѣпъ, что въ 1229 году отважился на борьбу съ самою королевскою властью. Поводъ къ столкновенію былъ слѣдующій: 26-го января 1229 года нѣсколько студентовъ кутили въ погребкѣ; представленный имъ счетъ оказался великъ; студенты не хотѣли или не могли уплатить по немъ. Завязался споръ съ хозяиномъ, перешедшій въ драку; на шумъ прибѣжали сосѣди и поколотили студентовъ. На другой день

¹⁾ №№ 16, 21.

²⁾ № 16.

³⁾ № 8.

⁴⁾ №№ 136, 137, 141, 201.

⁵⁾ № 20.

⁶⁾ №№ 7, 41, 45, 58, 162.

⁷⁾ №№ 30, 81 95, 115.

⁸⁾ №№ 82, 146.

студенты разгромили погребокъ и тѣмъ оскорбили сеньора той мѣстности, аббата св. Марцелла; аббать пожаловался королевѣ-регентшѣ Бланкѣ Кастильской, а та приказала прево арестовать буяновъ. Арестъ былъ произведенъ, но такъ какъ студенты сопротивлялись, то въ завязавшейся борьбѣ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ было убито. Представители университета увидали въ этомъ нарушеніе своихъ вольностей и потребовали удовлетворенія, грозя на 6 лѣтъ закрыть университетъ, если ихъ просьба не будетъ уважена въ мѣсячный срокъ ¹⁾. А такъ какъ королева не захотѣла выдать прево, то университетъ привелъ свою угрозу въ исполненіе. Магистры и студенты разсѣялись по разнымъ городамъ Франціи, а иные даже перебрались въ Англію ²⁾, гдѣ способствовали упроченію университета въ Оксфордѣ. Разсѣявшіеся магистры не стѣснялись по своему объяснять закрытіе университета и всю вину сваливали на королеву. Тогда папа Григорій IX, видѣвшій въ закрытіи Парижскаго университета не только ущербъ для цѣркви и государства, но и позоръ для французской короны ³⁾, вмѣшался въ это дѣло и настоялъ, чтобы королева дала удовлетвореніе университету и утвердила всѣ его льготы, а самъ въ особѣй буллѣ разрѣшилъ членовъ университета отъ данной ими клятвы 6 лѣтъ не возвращаться въ Парижъ и, кромѣ того, утвердилъ въ ней и даже нѣсколько расширилъ привилегіи университета ⁴⁾.

Частью во время борьбы съ горожанами, канцлеромъ, епископомъ и королевскою властью, а частью по окончаніи оной, но еще до начала столкновенія съ нищенствующими, сложилась своеобразная организація Парижскаго университета ⁵⁾. Хотя въ составъ университетской корпораціи входили всѣ магистры и студенты, но полноправными членами въ ней были одни первые; студенты же причислялись къ корпораціи чрезъ своихъ магистровъ; не записавшійся у магистровъ и не посѣщавшій по меньшей мѣрѣ 2 лекціи въ недѣлю не считался студентомъ и не могъ пользоваться университетскими льготами ⁶⁾. Полноправные члены университета—магистры—дѣлились на четыре фа-

¹⁾ № 62.

²⁾ № 64.

³⁾ №№ 69, 70, 71, 74, 75, 82, 90, 91.

⁴⁾ № 79, знаменитая булла 13-го апрѣля 1231 года *Papena scientiarum*, служившая основой университетской организаціи.

⁵⁾ *Ch. Thurot*, De l'organisation de l'enseignement dans l'Université de Paris au moyen âge, 1850.

⁶⁾ № 197.

культета: словесный (artium), юридическій, медицинскій и богословскій; самымъ многолюднымъ факультетомъ былъ словесный, самымъ вліятельнымъ первое время — богословскій; между ними собственно и возможна была борьба за преобладаніе, тогда какъ юристы и медики въ XIII вѣкѣ не пользовались никакимъ значеніемъ. Съ давнихъ поръ богословіе считалось завершеніемъ образованія, но со времени Абельяра методъ, по которому оно разрабатывалось и преподавалось, усвоенъ былъ и при занятіи artes, особенно философіею. На словесномъ факультетѣ шла теперь наиболѣе оживленная дѣятельность; тамъ велись горячіе споры между реалистами и номиналистами, тамъ же чаще всего обсуждались вопросы о лучшей организаціи преподаванія, объ экзаменахъ, диспутахъ, о составленіи комиссій для опредѣленія таксъ на квартиры, объ организаціи націй съ прокураторами во главѣ и объ объединеніи ихъ дѣятельности надъ властью ректора. Пока словесный факультетъ распадался на 4 націи и между ними существовало соперничество ¹⁾, богословскій факультетъ имѣлъ перевѣсъ надъ нимъ въ рѣшеніи общихъ университетскихъ вопросовъ, но какъ только послѣдовало примиреніе между націями и объединеніе ихъ подъ властью ректора, руководящее значеніе въ университетѣ достается словесникамъ или артистамъ.

И это понятно: на общемъ собраніи университета магистры дѣлились на 7 группъ, 4 націи и 3 старшихъ факультета; каждой группѣ принадлежалъ одинъ голосъ; значить, при согласіи между націями магистры артистовъ всегда располагали большинствомъ голосовъ; къ тому же при всякомъ спорѣ артисты могли выставить наибольшее количество бойцовъ, собрать самыя крупныя суммы на веденіе процессовъ, поставить всякаго магистра-оппонента въ безвыходное положеніе, мѣшая посѣщать его курсы, диспуты. При такихъ условіяхъ глава артистовъ, ректоръ, быстро забираетъ власть въ свои руки и превращается въ главу университета: къ нему переходятъ право созывать общія собранія, председательствовать на нихъ и приводить въ исполненіе ихъ постановленія ²⁾. Деканы и магистры старшихъ факультетовъ пытались не ходить на общія собранія, созываемыя ректоромъ, но папа призналъ, что посѣщеніе такихъ собраній для нихъ обязательно ³⁾. Первое время ректоръ ходилъ лично приглашать декановъ

¹⁾ № 187.

²⁾ *Denifle*, pp. 106—131.

³⁾ № 144.

на собранія, въ чемъ сказывались слѣды особаго ихъ почетнаго положенія въ университетѣ, но потомъ стали дѣлать это чрезъ педелей. Пробовалъ и канцлеръ бороться съ ректоромъ за главенство надъ университетомъ, но тоже долженъ былъ уступить ему.

Если раньше, еще не имѣя ректора, университетъ былъ въ состояніи брать верхъ при столкновеніяхъ съ горожанами, съ канцлеромъ и даже съ королевскою властью, то съ учрежденіемъ ректуры, способствовавшей объединенію и сплоченію отдѣльныхъ частей университета, казалось, ему будетъ легко уже справиться со всякимъ инымъ противникомъ. И однако же вспыхнувшая вскорѣ борьба съ нищенствующими далеко не сопровождалась, какъ мы увидимъ, для университета такимъ торжествомъ, съ какимъ онъ раньше выходилъ изъ столкновеній со всѣми остальными врагами. Очевидно, университетъ столкнулся здѣсь съ противникомъ, не уступавшимъ ему ни въ силѣ, ни въ организаціи, ни во влияніи на современниковъ. Что же такое представляли изъ себя эти нищенствующие и почему они стали во враждебныя отношенія къ Парижскому университету?

Ордена нищенствующихъ монаховъ возникли въ Западной Европѣ почти одновременно съ Парижскимъ университетомъ. Ихъ появленіе въ католической церкви было нѣсколько неожиданно для ней самой. До XIII вѣка католическіе монахи ¹⁾ жили по одному основному уставу Бенедикта Нурсійскаго (VI вѣка). Бенедиктинскій уставъ требовалъ отъ монаховъ исполненія обѣтовъ: цѣломудрія, отреченія отъ собственности, послушанія, труда и непрерывнаго пребыванія въ монастырѣ. Къ этимъ 5 основнымъ обѣтамъ въ X—XII вѣкахъ различными реформаторами присоединены были дополнительныя требованія: обѣтъ молчанія—у клюнійцевъ, отреченіе отъ всякой роскоши, даже въ убранствѣ церкви—у цистерціанцевъ, уходъ за больными—у госпиталитовъ, выкупъ плѣнныхъ—у матуриновъ, борьба съ невѣрными—у темпліеровъ и пр. ²⁾ Каждый изъ монастырей претендовалъ, что лишь его уставъ можетъ служить основой истинно совершенной христіанской жизни, что вызывало споры между ними и порождало соблазнъ въ церкви. Къ XIII вѣку дѣло дошло до того, что на латеранскомъ соборѣ 1215 г. ³⁾ знаменитый Иннокентій III провелъ канонъ: „дабы излишнее разнообразіе уставовъ не производило въ церкви соблазна, рѣшительно воспрещаемъ на будущее время составлять новыя пра-

¹⁾ *A. Harnack, Das Mönchthum, seine Ideale und seine Geschichte, 1882.*

²⁾ *E. Chastel, Histoire du christianisme, 1882, t. III, pp. 303—315.*

³⁾ *Guérin, Les conciles généraux et particuliers, 1869, t. II, p. 406.*

вила; а кто хочетъ вести аскетическую жизнь, пусть руководится однимъ изъ существующихъ одобренныхъ уставовъ⁴. Но въ тотъ самый моментъ, когда Иннокентій III издавалъ это правило, уже было положено начало основанію двухъ славнѣйшихъ орденовъ нищенствующихъ—доминиканскаго и францисканскаго, уставы которыхъ были утверждены непосредственнымъ преемникомъ Иннокентія III, Гоноріемъ III. Такое быстрое отступленіе отъ исполненія правилъ собора 1215 года само собою предполагаетъ, что нищенствующіе представляли что-то необыкновенное и вмѣстѣ вполне подходившее къ требованіямъ времени и къ интересамъ церкви.

На латеранскомъ соборѣ 1215 г. много занимались вопросомъ объ уничтоженіи альбигойской ереси и объ улучшеніи правовъ духовенства. Альбигойцы, не смотря на все увѣщанія къ нимъ папы, ея легатовъ и специальныхъ миссіонеровъ, оставались глухи къ этимъ проповѣдьямъ. Испанскій епископъ, въ свитѣ котораго явился въ южную Францію св. Доминикъ, объяснялъ эту неудачу папскихъ легатовъ и миссіонеровъ тѣмъ, что они, проповѣдуя альбигойцамъ, выступали, какъ князья церкви. „Покиньте богато убранныхъ коней, снимите роскошное платье, отправьтесь на проповѣдь съ босыми ногами, пренебрегая усталостью и всякими лишеніями,—это будетъ лучшимъ вашимъ оружіемъ въ борьбѣ съ еретиками⁴. Доминикъ, оставшійся во Франціи съ 12 спутниками, усвоилъ этотъ совѣтъ и тѣмъ положилъ начало нищенству своихъ послѣдователей¹). Около того же времени Францискъ Ассизскій, сынъ богатаго купца, ведшій веселую и расточительную жизнь, но всегда склонный къ мечтательности, услышавъ въ храмѣ слова Христа къ ученикамъ: „не берите серебра съ собою“, увидалъ въ нихъ указаніе на главную заповѣдь, какую слѣдуетъ соблюдать въ жизни, на бѣдность, и рѣшился отказаться отъ всего и жить исключительно тѣмъ, что ему подадутъ, какъ нищему²). Для Франциска нищенство было цѣлью, для Доминика же только средствомъ привлечь вниманіе тѣхъ, къ кому онъ обращался съ проповѣдью. Хотя пониманіе значенія нищенства у Доминика и Франциска было не одно и то же, тѣмъ не менѣе эта идея полной бѣдности провела рѣзкую грань³) между прежними монахами, которымъ можно дать общее на-

¹) *Осокинъ*, Исторія альбигойцевъ, 1872, II, стр. 10.

²) *K. Müller*, Die Anfänge des Minoritenorden, 1885, p. 27.

³) *Chastel*, III, pp. 315—330; *Herzog*, Abriss der gesammten Kirchengeschichte, 1879, II, pp. 183—197; *Ch. Schmidt*, Histoire de l'église pendant le moyen âge, 1885, pp. 122—157.

именованіе бенедиктинцевъ, и между нищенствующими—доминиканцами и францисканцами. Бенедиктинцы стремились къ отреченію отъ міра и давали обѣтъ оставаться до смерти въ монастырѣ, гдѣ приняли постриженіе; нищенствующие, напротивъ, шли въ міръ, чтобы спасти его посредствомъ проповѣди, исповѣди и наставленія, какъ надо жить; бенедиктинцы, допуская коллективную монастырскую собственность, охотно принимали всякія пожертвованія, а нищенствующие, по крайней мѣрѣ, первое время, отказываясь отъ собственности личной и коллективной, принимали лишь необходимое имъ для пропитанія въ данный день; бенедиктинцы, живя въ оградѣ монастыря на счетъ его доходовъ, могли принимать въ число братіи лишь такое число лицъ, какое могло помѣститься въ монастырѣ и прокормиться на его средства; нищенствующие же, ничѣмъ не связанные съ монастыремъ и не заботившіеся о средствахъ пропитанія, могли спокойно принимать въ свой орденъ всѣхъ желающихъ, не стѣсняясь никакими мірскими соображеніями; почему уже къ концу XIII вѣка ихъ считали сотнями тысячъ; бенедиктинцы, приобрѣтая земли, превращались въ феодаловъ и становились во враждебныя отношенія къ низшимъ классамъ, требуя отъ нихъ всякихъ поборовъ и подчиняя ихъ своей юрисдикціи; наоборотъ, нищенствующие сближеніе съ низшими классами ставили прямою своею задачею; бенедиктинцы уклонялись отъ требоисправленія, считая его дѣломъ блага духовенства, а нищенствующие видѣли въ немъ средство спасти мірянъ отъ гибели здѣсь на землѣ и за гробомъ. И міряне охотнѣе, чѣмъ къ своему священнику, шли на исповѣдь къ проходящему нищенствующему, которому спокойно, не опасаясь огласки, можно было повѣдать о своихъ тайныхъ, мучившихъ совѣсть, грѣхахъ; при томъ же нищенствующаго не надо было искать: онъ самъ заходилъ во всякую деревню, во всякую хижину и вездѣ довольствовался тѣмъ, что ему предлагали. Послѣ этого неудивительно, что нищенствующие повсюду сдѣлались предметомъ изумленія и уваженія. Папа видѣлъ въ нихъ вѣрнѣйшихъ своихъ слугъ, вносившихъ въ число своихъ обѣтовъ обязательство жить и вѣрить *catholicæ* ¹⁾. Въ городахъ сооруженіе монастырей для нищенствующихъ, гдѣ бы они могли находить себѣ временный пріютъ, сдѣлалось предметомъ общественныхъ заботъ. Короли и феодалы, подобно горожанамъ и поселянамъ, охотнѣе всего стали брать себѣ въ капелланы и исповѣдники нищенствующихъ. Людовикъ Святой до такой степени чтилъ ихъ,

¹⁾ *Müller*, p. 198.

что открыто заявлялъ готовность отдать одну половину себя св. Франциску, а другую—св. Доминику.

Но нищенствующіе представляли собою не только огромную силу физическую и моральную, въ то же время они были силою, прекрасно организованною. Не владѣя недвижимостью и опираясь на папское разрѣшеніе всюду проповѣдывать и исповѣдывать, нищенствующіе чувствовали себя болѣе самостоятельными и независимыми по отношенію къ мѣстной епархіальной власти, чѣмъ бенедиктинцы. Ихъ монастыри, разбѣянные по всей Западной Европѣ, были соединены въ извѣстныя группы, носившія названія провинцій ¹⁾. Во главѣ каждого монастыря стоялъ пріоръ, управлявшій при содѣйствіи лучшихъ членовъ братіи; во главѣ провинціи находился провинціалъ, руководившій дѣлами ея при содѣйствіи собранія изъ пріоровъ; наконецъ, во главѣ цѣлаго ордена стоялъ генералъ, сосредоточившій въ своихъ рукахъ высшую исполнительную власть, тогда какъ законодательная принадлежала общему капитулу изъ провинціаловъ. Единственная власть, которую признавали нищенствующіе и которой охотно подчинялись, была власть папы, высоко цѣнившаго ихъ преданность и надѣлявшаго за то всякими льготами къ явному ущербу для блага духовенства.

Такъ какъ главною задачею нищенствующихъ было содѣйствовать спасенію ближнихъ посредствомъ проповѣди и исповѣди, то для лучшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ имъ слѣдовало заранѣе подготовиться къ нему въ школахъ. Особенно въ этомъ отношеніи много хлопотали доминиканцы, имѣвшіе въ виду обращеніе еретиковъ и невѣрныхъ и строго соблюдавшіе завѣтъ основателя: *ut studerent et praedicarent*. У доминиканцевъ очень рано сложилась цѣлая система ²⁾ школьнаго образованія. Различали школу простую или монастырскую, среднюю или провинціальную и высшую *studium generale*, устроенную въ университетскихъ городахъ. Въ монастырской школѣ учились всѣ новопоступившіе послушники, въ провинціальной—болѣе способные изъ окончившихъ курсъ въ первой и, наконецъ, въ высшей школѣ—самые даровитые изъ прошедшихъ чрезъ среднюю ³⁾. Провинціальныя капитулы обращали особое вниманіе на выборъ учителей для школы, на успѣхи и поведеніе учениковъ, на заведеніе и сохранность библиотекъ.

¹⁾ *Maller*, pp. 85—91.

²⁾ *C. Douais*, *Essai sur l'organisation des études dans l'ordre des frères prêcheurs au XIII—XIV ss.*, 1884.

³⁾ №№ 102, 124. 179.

На содержаніе учениковъ въ средней школѣ средства отпускалъ по-славшій ихъ монастырь, а въ высшей—провинція и даже цѣлый орденъ ¹⁾),

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній о нищенствующихъ становится понятнымъ, что они, подобно университету, представляли изъ себя огромную, прекрасно организованную силу, пользующуюся уваженіемъ общества и покровительствомъ со стороны представителей высшей духовной и свѣтской власти, и что столкновение съ этою силою, даже для Парижскаго университета, не могло обойтись безъ упорной и продолжительной борьбы. Менѣе пока ясно, изъ-за чего могли столкнуться эти двѣ силы, преслѣдовавшія, повидимому, одну и ту же цѣль — основательное изученіе богословія, какъ подготовку къ лучшему пастырскому служенію. Для выясненія этого вопроса необходимо сказать нѣсколько словъ о положеніи нищенствующихъ въ Парижскомъ университетѣ до начала открытой борьбы съ нимъ.

Нищенствующіе явились въ Парижѣ вскорѣ послѣ утвержденія ихъ уставовъ: доминиканцы — въ 1217 г. ²⁾), а францисканцы — въ 1220 г. ³⁾); покровительствовавшій имъ папа Гонорій III счелъ нужнымъ отрекомендовать ⁴⁾ нищенствующихъ Парижскому университету, какъ людей благочестивыхъ, строгихъ католиковъ и ревнителей изученія богословія. Благодаря этой рекомендаціи, университетъ принялъ ихъ самымъ радушнымъ образомъ, а доминиканцамъ даже уступилъ домъ въ приходѣ св. Іакова ⁵⁾), взявъ съ нихъ только обѣщаніе молиться за живыхъ и умершихъ членовъ университета и участвовать въ погребеніи магистровъ. Какъ и повсюду, нищенствующіе произвели въ Парижѣ сильное впечатлѣніе, и скоро въ ихъ орденъ начали поступать не только простые горожане, но и многіе студенты и даже магистры ⁶⁾). Устроивъ въ уступленномъ имъ домѣ школу съ обширною аудиторіею и бібліотекою, доминиканцы скоро перешли отъ обученія къ преподаванію, а главное — начали обнаруживать стремленіе къ уклоненію отъ установившихся въ университетѣ порядковъ. Какъ помните, учащіеся въ Парижѣ могли записываться къ любому магистру, доминиканскій же орденъ

¹⁾ № 155.

²⁾ См. примѣч. къ № 84.

³⁾ № 97.

⁴⁾ № 86.

⁵⁾ № 42.

⁶⁾ №№ 47, 49, 52, 78.

еще въ 1228 г. ¹⁾ постановляетъ, чтобы его члены, изучающіе въ Парижѣ artes, обязательно записывались къ магистрамъ изъ доминиканцевъ, но богословіе имъ было предоставлено слушать у кого угодно, да и то, вѣроятно, потому, что доминиканцы не приобрѣли тогда еще ни одной изъ 12 штатныхъ кафедръ богословія, но орденъ въ своемъ постановленіи не скрывалъ, что такое приобретеніе было бы очень желательно. И за этимъ долго дѣло не стало: въ 1229 г. университетъ, какъ извѣстно, вслѣдствіе столкновенія съ королевскою властью, былъ закрытъ; магистры и студенты разсѣялись; закрыто было преподаваніе и у доминиканцевъ, но самый домъ св. Іакова продолжалъ служить приютомъ для странствующихъ монаховъ, и скоро въ немъ по требованію ордена и съ разрѣшенія канцлера были возобновлены курсы, при чемъ одинъ изъ доминиканцевъ получилъ кафедру богословія; мало того, пріору парижскихъ доминиканцевъ было предоставлено тогда право снимать отлученіе съ учащихся и учащихся за чтеніе запрещенныхъ книгъ ²⁾. Пользуясь этою привилегією, доминиканцы осмѣливаются въ своей аудиторіи читать даже тѣ книги Аристотеля, которыя считались тогда запретными, и это нововведеніе усилило приливъ къ нимъ учениковъ. Скоро доминиканская школа, а за нею и францисканская, въ Парижѣ приобрѣли такую извѣстность, что папа началъ имъ оказывать всякое вниманіе: діонскимъ каноникамъ онъ соглашается оставить ихъ бенефицію на время пребыванія въ Парижѣ подъ условіемъ, чтобы они изучали богословіе у доминиканцевъ или францисканцевъ ³⁾; къ нищенствующимъ же папа обращается съ просьбою послать искусныхъ теологовъ въ различныя монастырскія школы ⁴⁾; наконецъ, въ 1250 г. папа прямо предписываетъ парижскому канцлеру давать licentiam docendi всякому выдержавшему испытаніе, въ особенности — монахамъ, хотя бы они и не просили о томъ ⁵⁾. Послѣ этого не удивительно, что доминиканцы вскорѣ захватили и вторую богословскую кафедру. Чтобы понять важность этого приобретенія, слѣдуетъ имѣть въ виду, что число кафедръ богословія въ Парижскомъ университетѣ было ограничено тогда комплектомъ 12; изъ нихъ по ста-

---

¹⁾ № 57.

²⁾ № 86.

³⁾ №№ 134, 158.

⁴⁾ № 151.

⁵⁾ № 191.

рому обычаю три принадлежали каноникамъ соборнаго капитула, шесть успѣли приобрѣсть монахи различныхъ орденовъ, имѣвшіе въ Парижѣ свои дома съ аудиторіями при нихъ и другими приспособленіями для преподаванія, при чемъ доминиканцы, не въ примѣръ прочимъ, захватили цѣлыхъ двѣ, такъ что на долю остальныхъ вольныхъ магистровъ, считавшихъ себя основателями университета и виновниками его славы, оставалось только три каведры, да и тѣ могли ускользнуть отъ нихъ, если въ принципѣ будетъ допущено, что всѣ монахи, подобно доминиканцамъ, могутъ имѣть по нѣскольку каведръ богословія въ своемъ распоряженіи. Возникала, очевидно, опасность, что все преподаваніе богословія, составлявшее украшеніе и славу Парижскаго университета, отойдетъ къ монахамъ и прежде всего — къ доминиканцамъ.

И вотъ въ университетѣ поднимается вопросъ первоначально лишь о томъ, могутъ ли монахи, имѣющіе свою коллегію, владѣть болѣе чѣмъ одною каведрою богословія. Хотя вопросъ былъ поставленъ принципиально, но доминиканцы, разумѣется, поняли, что ударъ направленъ собственно на нихъ. Поэтому, когда означенный вопросъ на общемъ собраніи (1252 г.) былъ рѣшенъ отрицательно ¹⁾, доминиканцы, опираясь на существующій уже фактъ, отказались подчиниться новому статуту. Уже одно это ослушаніе должно было вызвать неудовольствіе въ университетѣ; но доминиканцы пошли гораздо дальше: когда весной 1253 г. университетъ, требуя удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное нѣкоторымъ студентамъ горожанами, постановилъ закрыть на мѣсяць курсы, доминиканскіе магистры заявили, что они въ томъ лишь случаѣ подчинятся этому распоряженію, если за ними будутъ оставлены 2 каведры богословія. Разумѣется, имъ было отказано, а они въ свою очередь не захотѣли прекратить лекцій и увлекли за собою и францисканцевъ, чѣмъ ослабили значеніе самаго сильнаго средства, какимъ располагалъ университетъ въ борьбѣ съ противниками ²⁾. И дѣйствительно, кризисъ затянулся на болѣе продолжительное время, чѣмъ бывало прежде; но за то, когда университетъ добился удовлетворенія отъ горожанъ, онъ счелъ необходимымъ принять рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы впредь подобное ослушаніе не повторялось: отъ магистровъ нищенствующихъ потребовали клятвы обязательно соблюдать

¹⁾ № 200.

²⁾ № 219.

всѣ университетскіе статуты. Нищенствующіе соглашались дать клятву, но съ оговоркою, если университетскіе статуты не будутъ противорѣчить ихъ собственному уставу, а главное — доминиканцы рѣшительно отказались отъ уступки второй кафедрѣ богословія. Тогда ихъ объявили исключенными изъ университета.

Приведеніе въ исполненіе этого постановленія вызвало горячій протестъ со стороны нищенствующихъ ¹⁾: когда университетскіе недели явились въ коллегію доминиканцевъ вывѣсить объявленіе объ исключеніи магистровъ, ихъ тамъ избили, а принесенное ими объявленіе изорвали въ клочки. Немного лучше тамъ встрѣченъ былъ и самъ ректоръ, явившійся лично исполнить постановленіе университета: его приняли съ шумомъ и гамомъ, громко заявляли, будто ректоръ явился съ оружіемъ, ношеніе котораго еще недавно строго воспрещено ²⁾ учащимъ и учащимся, и ректоръ принужденъ былъ раздѣться, чтобы доказать несправедливость взводимаго на него обвиненія. Наконецъ, нищенствующіе распустили слухъ, что далеко не всѣ магистры согласны на ихъ исключеніе, и что будто бы болѣе 40 магистровъ готовы поддерживать съ ними общеніе.

Но, дѣйствуя такъ въ Парижѣ, нищенствующіе совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ выставляли свое поведеніе передъ папою Иннокентіемъ IV. которому принесли жалобу на свое исключеніе изъ университета: тутъ они утверждали, будто бы ихъ исключеніе послѣдовало единственно за то, что они не прекращали чтеній во время закрытія курсовъ, а свое ослушаніе объясняли тѣмъ, что на закрытіе курсовъ не было испрошено папскаго согласія. При такой постановкѣ дѣла папа, разумѣется, счелъ возможнымъ ходатайствовать предъ университетомъ о возобновленіи общенія съ нищенствующими, такъ какъ столкновеніе съ городомъ уже окончено, и нѣтъ основанія продолжать вызванный имъ раздоръ ³⁾. Явная ложь нищенствующихъ возмутила университетъ, и онъ рѣшился опубликовать въ циркулярѣ на имя всѣхъ прелатовъ, какъ было дѣло, и вмѣстѣ выяснитъ папѣ настоящія причины исключенія изъ его состава нищенствующихъ ⁴⁾. Последнее могло быть достигнуто лишь отправкою въ курію спеціальнаго прокуратора для веденія тамъ процесса противъ нищен-

¹⁾ № 230.

²⁾ № 213.

³⁾ №№ 222—226.

⁴⁾ № 230.

ствующихъ. Въ прокураторы былъ избранъ магистръ Вильгельмъ de Sancto Amore; на издержки процесса установили особый сборъ въ университетѣ ¹⁾. Съ этого момента побѣда, казалось, готова была склониться на сторону университета: папа очень ласково принялъ университетскаго прокуратора, помогъ ему устроить заемъ, когда у него вышли всѣ деньги ²⁾, отправилъ въ Парижъ строгое предписание всѣмъ учащимъ и учащимся соблюдать ³⁾ университетскіе статуты, чѣмъ косвенно дано было понять нищенствующимъ, что имъ слѣдуетъ смириться, а главное — 21-го ноября 1224 г. онъ издалъ буллу, въ которой, не называя нищенствующихъ, рѣшительно вооружается противъ притязанія монаховъ на проповѣдь и исповѣдь безъ вѣдома и согласія мѣстнаго епископа и священника ⁴⁾. Можно догадываться, что послѣднее распоряженіе Иннокентія IV стоитъ въ связи съ нападками тогда на нищенствующихъ въ Парижскомъ университетѣ. Еще въ своемъ циркулярѣ, разъясняющемъ происхожденіе борьбы съ нищенствующими, магистры старались доказать, что монахи, занимаясь изученіемъ и преподаваніемъ философіи и богословія, въ сущности берутся не за свое дѣло, а главное ведутъ его не всегда согласно съ ученіемъ церкви, а вслѣдъ затѣмъ уже прямо выступили съ обвиненіемъ нищенствующихъ въ распространеніи еретическихъ воззрѣній. Къ 1254 г. относится осужденіе университета 31 еггогов ⁵⁾, оказавшихся въ произведеніи францисканца Герарда: „Введеніе въ Вѣчное Евангеліе“. Главнѣйшія изъ этихъ заблужденій заключались въ слѣдующемъ: распространеніе Вѣчнаго Евангелія повлечетъ за собою отмѣну Новаго Завѣта, подобно тому какъ появленіе Новаго Завѣта сопровождалась отмѣною Ветхаго; Ветхій Завѣтъ былъ царствомъ Бога Отца, Новый—Бога Сына, а вѣчное евангеліе будетъ царствомъ Св. Духа; при Ветхомъ Завѣтѣ главнымъ значеніемъ пользовались евреи, при Новомъ — клирики, а при вѣчномъ евангеліи оно отойдетъ къ монахамъ, особенно нищенствующимъ; господство вѣчнаго евангелія и отмѣна Новаго Завѣта послѣдуютъ въ 1260 г. Указать напѣ на эти заблужденія для университета означало отвлечь его отъ покровительства нищенствующимъ и склонить на свою сторону; папа могъ теперь не

---

¹⁾ № 231.

²⁾ №№ 238—239.

³⁾ № 237.

⁴⁾ № 240.

⁵⁾ № 243.

только высказаться противъ притязаній нищенствующихъ на проповѣдь и исповѣдь, но и запретить имъ преподаваніе богословія. Сами нищенствующие хорошо понимали размѣры угрожающей имъ опасности и убѣждали другъ друга молиться объ отвращеніи гибели. Но все это быстро измѣнилось со смертью Иннокентія IV и выборомъ ему въ преемники Александра IV.

7-го декабря 1254 г. скончался Иннокентій IV, 12-го въ преемники ему былъ избранъ Александръ IV, 20-го опъ былъ посвященъ въ папы, и въ тотъ же день новый первосвященникъ издалъ буллу, которою отмѣнилъ распоряженіе своего предшественника относительно притязаній нищенствующихъ на право исповѣди и проповѣди ¹⁾, а 14-го апрѣля 1255 года въ буллѣ, извѣстной по ея первымъ словамъ подъ именемъ *quasi lignum*, рѣшилъ споръ Парижскаго университета съ нищенствующими въ пользу послѣднихъ ²⁾. Такъ какъ, разсуждаетъ здѣсь папа, право раздавать *licentiam docendi* представлено канцлеру и ему вѣнено въ обязанность только провѣрять, заслуживаетъ ли кандидатъ по своимъ талантамъ, успѣхамъ и поведенію степени магистра, то ограничивать монаховъ каждой коллегіи требованіемъ приобрѣтать не болѣе одной каѳедры богословія, чего добивается университетъ, въ сущности означало бы ограниченіе правъ канцлера, что не согласно съ декретами папы Григорія IX, а потому и доминиканцы, разъ канцлеръ нашелъ въ ихъ средѣ двухъ магистровъ, достойныхъ преподавать богословіе, могутъ владѣть 2 каѳедрами. Что касается до отказа нищенствующихъ прекратить чтеніе лекцій во время закрытія курсовъ, папа готовъ признать здѣсь нарушеніе университетскихъ статутовъ и обычаевъ, но въ то же время даетъ понять, что поводъ къ закрытію курсовъ былъ ничтожный, и что нищенствующие, не прекращавшіе чтеній, совершили менѣе важный проступокъ, чѣмъ магистры, рѣшившіеся на закрытіе; а чтобы на будущее время университетъ былъ осмотрительнѣе въ примѣненіи на практикѣ такого рѣшительнаго средства, какъ закрытіе курсовъ, папа предписываетъ допускать его въ томъ лишь случаѣ, если ²⁾/₃ магистровъ каждаго факультета изъявятъ свое согласіе на временное прекращеніе занятій. Въ заключеніе папа требуетъ, чтобы нищенствующие немедленно были снова включены въ составъ университета ³⁾.

---

¹⁾ № 244.

²⁾ № 247.

³⁾ № 249.

Опубликованіе этой буллы въ университетѣ, понятно, вызвало восторгъ въ средѣ нищенствующихъ и смущеніе у ихъ противниковъ. Послѣдніе, однако, не отказались отъ борьбы, но перенесли ее теперь на иную почву: съ одной стороны они указывали ¹⁾, что ставить закрытіе курсовъ въ зависимость отъ согласія ²⁾/₃ магистровъ каждаго факультета значить уничтожить эту основную льготу университета, ибо каноники и монахи, владѣющіе большинствомъ кафедръ на богословскомъ факультетѣ, никогда не дадутъ своего согласія на закрытіе курсовъ: владѣя коллегіями съ аудиторіями, они имѣютъ прямой интересъ настаивать на продолженіи занятій; а съ другой—противники нищенствующихъ утверждали, что разрѣшеніе монахамъ пріобрѣтать по нѣскольку кафедръ богословія поведетъ за собою распространеніе вѣчнаго евангелія, то-есть, ереси. Самъ папа былъ смущенъ послѣднимъ заявленіемъ и поспѣшилъ съ кардиналами осудить вѣчное евангеліе и „Введеніе“ къ нему на уничтоженіе. Сообщая объ этомъ рѣшеніи парижскому епископу, папа совѣтуетъ, при исполненіи онаго, повести дѣло такъ, чтобы францисканцы не потерпѣли тутъ безчестія ³⁾.

Ободренные этимъ первымъ успѣхомъ, противники нищенствующихъ пошли дальше. Ставшій во главѣ ихъ Вильгельмъ de Sancto Amore выпустилъ памфлетъ *De periculis novissimorum temporum*, въ которомъ попалъ на самый принципъ нищенства. Онъ утверждалъ, что нищенство, далеко не всегда служа выраженіемъ униженія, благоприятствуетъ развитію лѣни и самоигінія; что Христосъ и апостолы были бѣдными, но не нищими; да и нельзя назвать нищими тѣхъ, которые спокойно принимаютъ наслѣдства по завѣщаніямъ, берутъ плату за требоисправленіе и пр., мало того, нищенствующие, претендуя на право проповѣди, исповѣди, погребенія умершихъ, принадлежащее бѣлому духовенству, производятъ беспорядокъ въ церкви и причиняютъ ей страшный вредъ. Всѣ эти воззрѣнія нашли живой откликъ не только въ массѣ студентовъ, но и въ средѣ бѣлаго духовенства. Каноники различныхъ церквей начинаютъ присылать Парижскому университету сочувственныя заявленія ³⁾, и частное столкновеніе университета съ доминиканцами готово было обратиться въ общую борьбу между бѣлымъ духовенствомъ и нищенствующими.

¹⁾ № 256.

²⁾ №№ 257, 258.

³⁾ № 295.

(Ободренные этими сочувственными заявленіями, магистры и студенты иѣшакъ теперь нищенствующимъ не только читать и слушать лекціи, устраивать и участвовать въ диспутахъ, но и говорить проповѣди, совершать исповѣдь, погребеніе и другія требы, подѣ предложеномъ, что тутъ нарушаются права бѣлаго духовенства, а при сопротивленіи бросали въ нищенствующихъ камнями, заводили съ ними драку ¹⁾). Сами нищенствующіе поняли размѣры угрожающей имъ опасности и пошли на уступки: ихъ капитулы и генералы послѣдшили предписать сочленамъ не раздражать клириковъ совершеніемъ требъ и произнесеніемъ проповѣдей безъ вѣдома и согласія мѣстнаго епископа или священника ²⁾); парижскимъ магистрамъ доминиканцамъ и францисканцамъ было приказано внимательно пересмотрѣть книги, употреблявшіяся въ ихъ школахъ, и исключить изъ нихъ все заблужденія ³⁾); наконецъ, и сами нищенствующіе магистры въ Парижѣ выразили готовность пойти на компромиссъ съ университетомъ. При посредничествѣ архіепископовъ буржскаго, сенскаго, руанскаго и реймесскаго заключенъ былъ договоръ ⁴⁾), по которому нищенствующіе согласились выдѣлиться изъ университета, но съ условіемъ что ихъ ученики могутъ посѣщать лекціи и диспуты университетскихъ магистровъ, и наоборотъ къ магистрамъ нищенствующихъ не будетъ возбранено записываться каждому учащемуся; за это нищенствующіе обязывались отказаться отъ буллъ, полученныхъ ими во время борьбы, и въ настоящемъ договорѣ — видѣть залогъ мира, а не раздора. Университетъ охотно пошелъ на такое соглашеніе, такъ какъ имъ какъ бы отиѣлилась булла *quasi lignum*; нельзя же, заявляли потомъ магистры, навязывать нищенствующимъ то, отъ чего они сами добровольно отказались ⁵⁾).

Но въ то время, какъ нищенствующіе уже отчаялись въ побѣдѣ и пошли на уступки, на защиту ихъ выступилъ самъ папа. И это понятно: уклоненіе университета отъ приведенія въ исполненіе буллы *quasi lignum* было въ сущности отказомъ папѣ въ повиновеніи, а изданіе памфлета противъ нищенствующихъ опять было косвеннымъ нападеніемъ на покровительствовавшую имъ римскую курію. Если

¹⁾ №№ 269, 273, 290.

²⁾ № 250.

³⁾ № 278.

⁴⁾ № 268.

⁵⁾ № 309.

нищенствующіе претендовали повсюду на исповѣдь и проповѣдь безъ испрошенія соизволенія у мѣстной епархіальной власти, они дѣлали это, опираясь на папскія привилегіи; если нищенствующіе, отрекавшіеся при Доминикѣ и Францискѣ отъ всякой собственности личной и коллективной, стали потомъ приобрѣтать недвижимость и получать наслѣдства, то и на это у нихъ имѣлись разрѣшенія папѣ, избобрѣвшихъ для нихъ различіе между *possessio* и *usus*, создавшихъ для нищенствующихъ сперва понятіе о приобрѣтеніи собственности не для себя и не для монастыря, а для ордена, а потомъ утверждавшихъ, что истиннымъ собственникомъ имѣній нищенствующихъ долженъ быть признанъ папа, а ордена являются только его администраторами ¹⁾. Такимъ образомъ Александръ IV, выступая на защиту нищенствующихъ, въ сущности хлопоталъ о поддержаніи папскаго авторитета ²⁾, теперь папа не останавливался уже ни передъ чѣмъ: соглашеніе нищенствующихъ съ университетомъ онъ объявилъ не имѣющимъ значенія частію потому, что оно противорѣчитъ буллѣ *quasi lignum*, а частію потому, что было заключено безъ согласія куріи ³⁾; памфлетъ Вильгельма de Sancto Amore, на основаніи заключенія коллегіи кардиналовъ, папа призналъ зловреднымъ и подлежащимъ сожженію ⁴⁾; парижскому епископу предписалъ немедленно привести въ исполненіе какъ буллу *quasi lignum*, такъ и распоряженіе объ истребленіи экземпляровъ памфлета, для чего уполномочилъ его налагать отлученіе на всѣхъ ослушниковъ, если они въ 15-ти-дневный срокъ не изъяснятъ раскаянія ⁵⁾; Вильгельма de Sancto Amore и 2 другихъ магистровъ, какъ главныхъ смутителей, приказалъ лишить сана, бенефиций, права преподаванія и изгнать изъ Франціи при содѣйствіи короля ⁶⁾; канцлеру ⁷⁾ предписалъ не давать ни одному кандидату *licentiam docendi*, пока тотъ не обяжется соблюдать буллу *quasi lignum*.

Рѣшительныя мѣры, предписанныя папою, и содѣйствіе короля при ихъ выношеніи мало-по-малу повели къ успокоенію университета и примиренію его съ нищенствующими. Уже осенью 1256 г.

¹⁾ *Chastel*, p. 327.

²⁾ № 271.

³⁾ №№ 280, 284.

⁴⁾ №№ 288, 300.

⁵⁾ № 281.

⁶⁾ № 282.

⁷⁾ № 298.

оба изъ осужденныхъ съ Вильгельмомъ магистровъ принесли покаяніе и получили прощеніе ¹⁾); въ маѣ 1257 генераль доминиканцевъ заявляетъ, что угрожающія ордену опасности, особенно во Франціи, миновали, благодаря покровительству папы, кардиналовъ и короля ²⁾); въ концѣ сентября того же года папа признаетъ возможнымъ разрѣшить парижскому епископу снять отлученіе съ тѣхъ магистровъ и студентовъ, которые приняли буллу *quasi Ignis*, отказались отъ противорѣчащихъ ей статутовъ, согласились на общеніе съ нищенствующими и на выдачу для сожженія памфлета Вильгельма ³⁾); а весною 1259 года, наконецъ, самъ папа выражаетъ удовольствіе, что миръ вполнѣ водворился въ Парижскомъ университетѣ ⁴⁾). Впрочемъ отголоски затихшей бури слышались еще довольно долго частію въ хлопотахъ о возвращеніи въ университетъ Вильгельма de Sancto Амоге, который, не смотря на отказъ подчиниться папѣ, возбуждалъ къ себѣ симпатіи въ университетѣ и духовенствѣ ⁵⁾), частію въ требованіи кредиторами отъ университета уплаты долговъ, надѣянныхъ имъ для веденія процесса противъ нищенствующихъ ⁶⁾), частію, наконецъ, въ расцѣпаніи студентами сатирическихъ пѣсенокъ, сложенныхъ на нищенствующихъ во время открытой вражды съ ними ⁷⁾).

Какъ бы то ни было, борьба Парижскаго университета окончилась: въ чемъ же выразились ея результаты? 1) До начала борьбы количество кафедръ на богословскомъ факультетѣ было строго опредѣлено: сперва ихъ было 8 ⁸⁾), потомъ 12; опредѣленный комплектъ кафедръ богословія стѣснялъ преподаваніе и вмѣстѣ вызывалъ интриги въ университетѣ со стороны претендентовъ каждый разъ, какъ одна изъ этихъ штатныхъ кафедръ оказывалась вакантною; но въ буллѣ *quasi Ignis* указанъ былъ новый принципъ, отмѣняющій этотъ комплектъ: кафедра должна быть предоставляема каждому, кто окажется ея достойнымъ; значитъ, первымъ результатомъ борьбы должно быть признано упроченіе въ университетѣ свободы преподаванія. 2) До начала борьбы нищенствующие, стремясь къ захвату кафедръ

¹⁾ № 292.

²⁾ № 311.

³⁾ № 319.

⁴⁾ № 331.

⁵⁾ №№ 332, 339, 344, 353.

⁶⁾ №№ 352, 376.

⁷⁾ № 342.

⁸⁾ №№ 5, 27.

богословія, въ то же время наставляли, чтобы ихъ сочлены по ордену слушали artes только у своихъ магистровъ; еслибы имъ удалось провести то же требованіе и по отношенію къ богословію, то ихъ университетская школа вернулась бы къ старому типу монастырской школы, гдѣ ни о какой свободѣ слушанія не могло быть и рѣчи; но во время борьбы нищенствующіе принуждены были отказаться отъ стремленія къ этой исключительности и подчиниться господствовавшей въ университетѣ свободѣ слушанія, и въ этомъ отношеніи безспорно университетъ побѣдилъ нищенствующихъ, проведя въ ихъ школы свой взглядъ на свободу слушанія. 3) Но и нищенствующіе съ другой стороны оказали значительное вліяніе на организацію университета: университетскіе магистры должны были сознаться, что если нищенствующіе во время борьбы имѣли много сторонниковъ въ самомъ же университетѣ среди студентовъ и магистровъ, то этимъ они обязаны славѣ, какою пользовалось преподаваніе въ школахъ францисканцевъ и доминиканцевъ, во главѣ которыхъ стояли тогда такія знаменитости, какъ Бонавентура и Тома Аквинскій; но превосходство школъ нищенствующихъ зависѣло не столько отъ талантливости магистровъ, сколько отъ той обстановки, въ какой они работали: у нищенствующихъ было готовое даровое помѣщеніе, содержаніе на средства ордена, обширная аудиторія и значительная постоянно пополняемая бібліотека. Поставить студентовъ и магистровъ изъ бѣлаго духовенства въ столь же выгодныя для научной работы условія сдѣлалось тогда естественною задачею для всѣхъ сочувствовавшихъ университету. И вотъ въ самый разгаръ борьбы съ нищенствующими положено было начало знаменитой Сорбонской коллегіи ¹⁾, по образцу которой потомъ были устроены многія другія. Сорбонна не только скоро сравнялась въ славѣ съ коллегіями нищенствующихъ, но и далеко превзошла ихъ.

Итакъ, упроченіе академической свободы преподаванія и слушанія, умноженіе и улучшеніе средствъ для научныхъ занятій учащихся и учащихся чрезъ сооружеиіе и обезпеченіе коллегій — вотъ болѣе важныя результаты, къ какимъ привела борьба Парижскаго университета съ нищенствующими монахами въ половинѣ XIII вѣка.

В. Фортисскій.

---

¹⁾ № 242.